

ОТ КОЛЫБЕЛИ ДО КОСТРА

В. ЧЕРНЫШЕВ

Кандидат филологических наук

ИСМЕТНЫ сокровища индийского народного творчества. Уходя своими корнями в глубокую древность, фольклорные произведения донесли до нас живой голос своих безвестных создателей. В них воплотился гений народа-труженика, его жизнь, его ненависть ко всякому злу, стремление к миру и лучшей доле.

По богатству, своеобразию и популярности первое место среди всех фольклорных жанров, несомненно, принадлежит песне.

Песня сопутствует индийцу от первого крика до погребального костра. Радостные «сохары» поют женщины, когда в семье рождается ребенок; песня звучит при совершении обряда «мундан» — первого бритья головы и возложения «джанэу» — священного шнура; много дней подряд оглашаются песнями деревни и городские кварталы, когда кто-то женит сына или выдает замуж дочь; песней провожают новообрачную в дом мужа; наконец, песня, скорбный плач-причитание, разрывает тишину утра, когда усопшего снаряжают в последний земной путь...

Песня без прикрас расскажет о быте индийской семьи, в которой положение замужней женщины определяется тем, сколько у нее детей. И горе той, что, на свое несчастье, окажется бесплодной: будь она стройна, как пальма, и красива, как только что распустившийся лотос, добродетельна и полна смирения, ничто не спасет ее от презрения членов общины, и прежде всего — новобрачных. Как поет своих же домохозяев. Как поет, завидев бездетную, с озера срываются лебеди, цап-с озера срываются лебеди, цап-летают даже воробьи и вороны, а деревья позволяют ей отведать лишь незрелых плодов...

Пока она бездетна, все гнушаются ею. Однако стоит лишь ей подарить мужу ребенка, как все меняется: птицы встречают ее радостным гомоном, деревья приберегают для нее самые спелые и вкусные плоды, а лица домохозяев озаряет приветливая улыбка. Поэтому с такой надеждой и нетерпением ждет молодая замужняя женщина того часа, когда ей суждено будет стать матерью.

Однако не всякое материнство приносит счастье. Почет и уважение ожидают женщину лишь тогда, когда она рождает сына. Окружая вниманием и заботой свою молодую жену, которая ждет разрешения от бремени, муж, точно так же как и все домашние, до самых родов живет в страхе:

*Будто лотоса лист среди пруда
трепещет,
Мой супруг-повелитель боится,
не родилась бы дочь
вместо сына.*

И не дай бог, если его опасения оправдаются! Рождение девочки повсеместно, особенно в деревне, считается событием, если не позорным, то во всяком случае достойным осуждения. И хотя, согласно обычаю, девочку обычно нарекают Лакшми¹, а женщину величают не иначе, как Гриха-Лакшми («домашняя Лакшми»), соседки не приходят поздравить роженицу, песни не оглашают ее двор, никто не преподносит ей подарков, не угощает лучшими блюдами и даже не оказывает знаков простого внимания. В деревне по этому поводу говорят: родилась девочка — земля осела на три локтя...

¹ Лакшми — в индуизме богиня красоты, любви, счастья и богатства.

Зато каким почетом и уважением окружена роженица, если на свет появился мальчик! Счастливые отец и дед новорожденного угощают односельчан, а собравшиеся во дворе женщины двенадцать дней подряд поют величальные «сохары», прославляющие счастливую мать, ее сына и весь ее род...

Песни звучат круглый год, сопровождая индийца и во время работы, и в часы короткого отдыха. Песен великое множество. Здесь и праздничные, и сезонные, и трудовые, и обрядовые. Бушующий безудержным весельем, переливающийся многоцветьем красок, озорной весенний «Холи», тихий, задумчивый осенний праздник огня — «Дивали» и множество других больших и малых праздников — все они так же немыслимы без песен, как индийская природа — без щедрого южного солнца. Песня придает индийскому празднику неповторимую красоту и очарование.

На месяц пхагун (со середины февраля до середины марта) приходится самый яркий, веселый и красочный праздник «Холи». В ночь под праздник повсюду жгут костры, куда стаскивают весь мусор и рухлядь, скопившиеся за год. С раннего утра все на ногах, и почти каждый вооружен пичкари — легким насосом-опрыскивателем. Люди обливают друг друга заблаговременно припасенными разноцветными красками и до полудня ходят в стареньких

Злой демон Махисасура нагоняет страх на индийскую детвору.

Немудрено — ведь с его коварными кознями связаны многочисленные поверья и сказания.

Фото Л. Котляренко

рубах и дхоти, на которых живого места не остается: немудрый наряд в пятнах и подтеках всех цветов радуги. Особенно усердствуют мальчишки. Запасшись целым ведром краски, они занимают позиции на перекрестках и, подкараулив зазевавшегося прохожего, окатывают его с головы до пят. Не хватает красок — разводят коровий помет. И никто не должен обижаться: в этот день все прощается. И песни, что поются в этот день, тоже озорные, задорные, подчас непристойные.

Но вот отгремел «Холи», на смену пхагуну приходит месяц чайт (март — апрель) — первый месяц весны, неся с собою новые песни — «чайта», которые, как считают ценители музыки, по красоте, проникновенности и изяществу не имеют себе равных.

В жаркий сезон затихает индийская деревня. Только изредка в густом вечернем мраке негромко звучит песня. Жара и духота, от которых даже ночью нет спасения, не располагают к пению.

К середине июля по небу начинают ползти серые тучи. Они постепенно густеют, обкладывают небосвод, прикрывая сомлевшую землю от жгучих лучей солнца, и на поля, перелески, деревни обрушиваются потоки благодатной влаги. Природа оживает, одеваясь в роскошный изумрудный наряд. Месяц саван, или шраван (июль — август), снова приносит с собою песни. В каждой деревне где-нибудь в саду или на берегу пруда устраивают долго и тщательно, как к большому празднику. Взлетая высоко над землей, все поют «каджли» — песни о любви, о радости встреч и о муках разлуки.

Однако самой популярной песней в индийской деревне является, пожалуй, «барахмаса». Ее поют обычно в сезон дождей, когда полевые работы закончены и наступает короткая передышка. «Барахмаса» в каждой из областей Северной Индии своя. В Раджастане, к примеру, это прозаический рассказ о двенадцати месяцах жизни крестьянина, вся надежда которого, и мука, и гордость, и верховное божество — земля: его труды увенчались успехом, и он приносит создателю благодарность за милосердие. В бходжпурских деревнях барахмаса повествует о страданиях молодой жены в разлуке с мужем: он ушел на заработки в чужие края и вот уже двенадцать месяцев не возвращается под родной

кров. За окном — дождь, крыша протекла, и некому починить ее...

Кроме этих общих песен, каждая каста имеет собственные, особые. Свои песни у ахиров (пастухов), у дусадхов (свинарей), у тели (маслоделов), у дхоби (прачек), у чамаров (кожевников). Особой известностью пользуются «бирха» — песни разлуки, которые поются ахирами Бихара.

С песней вплотную смыкаются сказания. Их тоже поют, нередко — в сопровождении хора.

Разнообразны сюжеты и мелодии сказаний, многочисленны их герои и совершаемые ими подвиги, различен их настрой и тональность. Одни исполняются «в один присест», другие — много вечеров подряд. Однако как бы разнообразны ни были сказания, все их объединяет гуманистическая направленность и неизбывный оптимизм, столь свойственные устному народному творчеству. Всякое сказание кончается победой добра и справедливости над злыми силами неправды и тьмы.

Героям сказаний приходится бороться за свою любовь, преодолевать бесчисленные преграды и препятствия на пути к счастью. Таковы сказания о Кусма-дэви или о Бхагвати-дэви, которые бытуют на востоке штата Уттар-Прадеш, и сказание о купце Наяке и покинутой им супруге, которое живет в устах народов, населяющих Бихар. В Раджастане многие столетия волнует слушателя безыскусная повесть о благородном принце Дхолье и его нареченной Марвани. На востоке хиндиязычной области и в соседней Бенгалии исключительной популярностью пользуется история Бихулы и Балы Лакхандара.

Принцесса Бихула была столь прекрасна, что всякий влюблялся в нее без ума с первого взгляда. Очарованные ее неземной красотой, многие благородные принцы, потеряв голову, старались добиться ее руки, но гордая красавица одного за другим отвергала их. Так продолжалось до тех пор, пока не встретился ей крестьянский сын по имени Бала Лакхандар. И ему удалось то, что никому не удавалось: своей красотой и смекалкой он в конце концов завоевал неприступное дотоле сердце красавицы...

Среди героических «былин» первое место по праву должно быть отведено сказанию об Альхе и Удаде — двух братьях-воинах, чьи имена стали символом беспримерной храбрости, воинского долга и любви к отчизне. Как

гласит предание, повесть об Альхе и Удаде сложил в XII веке Джагник, песнопевец из касты бхатов — профессиональных певцов и сказителей, придворный поэт раджи княжества Махоба в Бунделькханде. Однако в настоящее время имя автора прочно забыто, а творение его стало неотъемлемой частью фольклора многих народов Северной Индии. Особую же любовь и привязанность к Альхе и Удаде питают в Бунделькханде и Байсваре, и с наступлением сезона дождей, как бы вторя раскатам грома, из какого-нибудь конца деревни обязательно донесется глухой рокот барабана и всем знакомый зачин:

Двенадцать лет живет собака,

Тринадцать лет живет шакал,

Осминадцать лет —

предел для кшатрия².

Надо ли больше тому, кто удал?

«Лорикаян» — обширное эпическое сказание о подвигах Лорика — пользуется неизменным успехом в восточных областях: в Бихаре и примыкающих к нему районах штата Уттар-Прадеш. Не менее популярно здесь и сказание о Виджаямале (или, в народном произношении, Биджамале), при одном имени которого враги обращались в бегство.

В Раджастане, наряду с историческими, повествующими о сказочных богатырях и их не менее сказочных подвигах, широко бытуют сказания о благородных разбойниках, перед которыми трепетали раджи, махараджи и их трусливые дружины. Излюбленный герой их — Джоравар Синх. Много подвигов совершил он, много богатых и знатных ограбил, многим беднякам пришел на помощь и сделал бы еще больше, если бы не погиб от рук своих же сподвижников.

В пограничных с Раджастаном и Пенджабом западных областях штата Уттар-Прадеш много своих сказаний о разбойниках. В дистриктах Биджнор и Сахаранпур (севернее Дели) очень популярно сказание о Султане, что был грозой местных толстосумов и их прихлебателей лет пятьдесят назад. А в деревнях вокруг Агры и Гвалиора поют о Мансинхе, который уже в наши дни, вплоть до 1954 года, навел страх на недругов народных...

Былинной мощью веет от образов этих индийских братьев Робин,

² Кшатрий — член воинской касты.

Гуда. Для крестьянина они — не разбойники и не грабители, а, наоборот, покровители и защитники. Их наделяют лучшими человеческими качествами: чистотой, благородством, бескорыстием. Не имея возможности прямо расправиться со своими недругами и сбросить с плеч ярмо векового гнета, народ разделяется с ними в песне, былине, сказке, на которые не распространяется власть заминдара, ростовщика, полицейского инспектора.

Никто не может с определенностью сказать, где кончается сказание и начинается сказка. Сказание поется, сказка сказывается — вот, пожалуй, единственное, что их различает.

Современная индийская сказка — явление многослойное и многоярусное. В ней относительно легко можно углядеть пласты различных эпох: тут и восходящие к эпосу преданья старины глубокой, и возвратившиеся к народу литературные обработки бытовавших когда-то сказаний, и собственно сказки, старые и новые, живущие с незапамятных времен или сложенные как живой отклик на злобу дня.

О чем бы ни повествовалось в сказке — о животных или о нечистой силе, о всемогущих богах или наделенных даром речи растениях, — в центре ее стоит человек со своими радостями и печалью, со своими помыслами и надеждами. А если человека нет среди действующих лиц сказки, он незримо присутствует в ней как комментатор всего происходящего. Поэтому индийская сказка, точно так же, как и сказка любого другого народа, никогда не может быть созерцательной и пассивной. Наоборот, ее отличает динамизм и активность. Она бичует зло, ратует за торжество справедливости. Коллективный творец сказки, народ воплотил в ней свои идеалы. Вековечный труженик, он выше всего на свете — выше касты или знатности рода, богатства или удачи — ценит труд, взаимопомощь и взаимовыручку. Сказка проникнута чувством активного протеста против тех, кто сеет зло и несправедливость. Показательна в этом плане бундельская сказка о том, как игла разделалась с тигром.

Могучий тигр оскорбил крохотную иглу и царственно удалился в свое лесное логово. Слабая игла задумала отомстить. Она отправляется в дальний путь. По дороге ей встречаются кузьяк, горошина и скорпион и присоединя-

За прочный и справедливый мир в Индостане!

«Как и все сторонники мира и свободы народов, мы с большим огорчением восприняли военный конфликт, возникший на днях между двумя соседними государствами Азии, равно как и события, породившие этот конфликт — кровавое подавление основных прав и ясно выраженной воли населения Восточного Пакистана, трагедию десяти миллионов беженцев. Советский Союз решительно выступает за прекращение кровопролития, за мирное политическое урегулирование возникших проблем с учетом законных прав народов, без какого-либо вмешательства внешних сил, за создание условий прочного и справедливого мира в этом районе».

Л. И. БРЕЖНЕВ

*Из речи на VI съезде
Польской объединенной рабочей партии
7 декабря 1971 года*

ются к ней. Добравшись до логова обидчика, друзья совместными усилиями расправляются с могучим тигром, утверждая тем самым превосходство сплочения слабых перед грозной силой одного.

Индийские сказки создали целую галерею персонажей, нарисованных ярко и выразительно. Здесь и проныры-купцы, и обжоры-брахманы, и раболепствующие придворные, и надменные туповатые раджи. Вот кровожадный, но недалекий тигр, вот глупый, коварный крокодил, лентяй и подхалим — злобный шакал и пронырливая, хитрая лиса, трусливый заяц, простоватый медведь и многие другие представители животного царства Индии, в которых нетрудно угадать людей со всеми их достоинствами и недостатками.

Сказки воспроизводят картину индийского общества, какой она была на протяжении многих веков и вплоть до последнего времени. В ней как бы мимоходом

показаны социальные контрасты: дикая нищета и бесправие — на одном полюсе, фантастическая роскошь и ничем не сдерживаемый деспотизм — на другом. И о чем бы ни повествовала сказка, всегда симпатии ее — на стороне простого человека, живущего трудом: несмотря ни на какие преграды и опасности, он благодарит своей сметке всегда выходит победителем. И потому-то, если ему вдруг улыбается неожиданная удача, она воспринимается как награда за перенесенные лишения и невзгоды. В этом проявился здоровый демократизм народного мировосприятия.

Религия, которую исповедует индеец, — индуизм определяет не только поступки, но и мысли человека, и объекты его поклонения, и самый строй его чувств. Поэтому боги — частые и желанные гости и в песне, и в легенде, и особенно в сказке, где они выступают как носители сверхъестественной силы, меняющей судьбы героев. Многочисленные боги,

особенно великая «тримурти» (триада) индийского пантеона: Брахма — творец, Вишну — хранитель и Шива — разрушитель, — а также их могущественные супруги часто выступают в числе персонажей сказки, помогая попавшим в беду, исполняя их заветные желания или, наоборот, ниспосылая на них всяческие беды и напасти.

Помимо богов, в сказках нередко действует всякая нечистая сила: «ракшасы», «бхуты» и «пишачи», которые, по индийским поверьям, обитают в непролазной лесной чаще, в непроходимых горных ущельях, в заколоченных домах и старых колодцах. Встреча с ними не сулит простому смертному ничего доброго, однако человек умнее целой стаи нечисти:

там, где не взять силой, он прибегает к хитрости, выходя невредимым из самых рискованных положений.

За свою многовековую историю перенесший неисчислимые бедствия нашествий и кровопролитнейших войн, индийский народ воплотил в сказках свою мечту о мире, о том времени, когда человек не будет поднимать руку с мечом на своего собрата, когда перестанет литься кровь по приказу жестоких властолюбцев. Поэтому как мольба, призыв и заклинание звучит сказка о чудесном талисмане, которая создана в Двуречье — области, расположенной между священными реками Индии Гангом и Джамной. В ней рассказывается о том, как, обнаружив рядом со своими владениями маленькое свободлюбивое государство, повелитель Золотой державы двинул на него несметные полчища. Как львы, бились с врагом жители свободного города, но силы их таяли. И вот однажды, когда правитель обсуждал со своими министрами план решающего штурма, пришел к нему старец и попросил на бедность свою отвесить ему столько золота, сколько весит его талисман. Рассмеялся махараджа, взглянув на талисман-косточку — была та косточка не больше ногтя — и приказал отпустить ему золота. Но сколько ни сыпали золота на чашу весов, оно не смогло перетянуть крохотную косточку. Поразился повелитель и пожелал узнать тайну. Не отвечая ему, старик взял у стоявшего рядом воина кинжал и уколол себя в руку. Капля крови упала на чашу весов — и чаша с косточкой подскочила почти до перекладины.

— Ты видишь, повелитель, — сказал старик, — это сделала капля моей старческой крови, в которой уже нет трепета жизни. Что ж и говорить тогда о крови цветущего юноши или невинного младенца!..

Долго сидел махараджа на берегу голубого озера. А на следующее утро, едва солнце позолотило вершины гор, жители непокоренного города увидели, что неприятельское войско свернуло лагерь и уходит на юг — в ту сторону, откуда пришло...

Изучение фольклора помогает воссоздать картины жизни и быта индийского народа на различных этапах его истории, заглянуть в его душу, понять вдохновлявшие его в вековой борьбе идеалы равенства, добра и справедливости.

НОВАЯ КНИГА О ДРЕВНЕЙ СТРАНЕ

В современной исторической науке Индии происходят важные процессы, связанные с общим развитием страны. Одним из показателей новых тенденций служат труды индийских историков, которые стараются порвать с традициями колониальной историографии и по-своему, с принципиально иных позиций осветить историко-культурное развитие Индии. Значительные успехи достигнуты прогрессивными индийскими учеными за последние годы, изданы многотомные исследования, открыты важные памятники культуры. Эта тенденция в современной историографии Индии заслуживает высокой оценки и служит укреплению подлинно национальной науки.

Особое внимание уделяют индийские ученые исследованию древнейших этапов историко-культурного развития Индии, стараясь выявить истоки местной цивилизации, ее взаимоотношения с другими древними культурами. Больших успехов добились индийские археологи, которые открыли новые, ранее неизвестные культуры, многочисленные поселения.

Одной из центральных проблем современной индийской исторической науки продолжает являться так называемая «арийская проблема» — о времени и путях появления индоариев в Индии. Кроме данных археологии и лингвистики, в последние годы все большее значение придается древнеиндийским литературным источникам (эпос, пураны). В этой связи заслуживает внимания книга индийского историка Д. П. Мишры, где подробно анализируются данные ведийской и эпической литературы о древнейших племенах Индии, их культуре, религии. Свидетельства письменных источников увязываются с материалами археологии не только Индии, но и соседних стран.

Автор хорошо знаком с достижениями советской археологии, он поддерживает некоторые концепции советских ученых и использует их для подтверждения своих заключений. Конечно, ряд выводов Д. П. Мишры вызывает возражения, некоторые заключения представляются недостаточно убедительными. Книга Мишры и не претендует на изложение всех аспектов «арийской» проблемы, но содержит интересные материалы, которые должны быть использованы учеными при ее решении.

Г. БОНГАРД-ЛЕВИН,
доктор исторических наук

D. P. Mishra. Studies in the Proto-History of India, Delhi, 1971, 200 pp.